

Научная статья

УДК 316.722

<https://doi.org/10.24158/spp.2021.9.11>

«Крымский вопрос» в российских и украинских школьных учебниках по истории

Тимофей Александрович Рунаев

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия,
runaevt@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0154-6959>

Аннотация. Автор рассматривает отражение территориально-административной принадлежности Крыма в современных школьных учебниках по истории России и Украины. Показывается, что на межгосударственном уровне политики памяти «Крымский вопрос» в учебниках представлен по-разному и направлен на создание различных типов социальной идентичности. В выводах отмечается, что при описании сюжета о статусе Крыма российский нарратив школьных учебников по истории стремится к созданию позитивной социальной идентичности, в то время как нарратив украинских учебников по истории основывается на принципе «виктимизации», продвигающем негативную социальную идентичность среди молодых людей. Крымский учебник по региональной истории в вопросе изменений принадлежности Крыма согласуется с российским нарративом, что способствует распространению гражданской идентичности среди учащейся молодежи.

Ключевые слова: исторический нарратив, историческая память, политика памяти, «войны памяти», социальная идентичность, республика Крым

Для цитирования: Рунаев Т.А. «Крымский вопрос» в российских и украинских школьных учебниках по истории // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 9. С. 77–80. <https://doi.org/10.24158/spp.2021.9.11>.

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31514-опн «Политика памяти как ресурс формирования гражданской идентичности и позитивного образа будущего страны в сознании молодежи Юга России».

Original article

“Crimean issue” in Russian and Ukrainian history school-books

Timofei A. Runaev

Kuban State University, Krasnodar, Russia,
runaevt@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0154-6959>

Abstract. The author considers the reflection of the territorial and administrative affiliation of Crimea in modern history school textbooks of Russia and Ukraine. It is shown that at the interstate level of memory policy, the “Crimean issue” is presented in textbooks in different ways and is aimed at creating various types of social identity. The conclusions note that when describing the plot on the status of Crimea, the Russian narrative of school history textbooks seeks to create a positive social identity, while the narrative of Ukrainian history textbooks is based on the principle of victimization, promoting a negative social identity among young people. Crimean textbook on regional history in the matter of changing the affiliation of Crimea is consistent with the Russian narrative, which contributes to the spread of civic identity among young students.

Keywords: historical narrative, historical memory, policy of memory, wars of memory, social identity, Republic of Crimea

For citation: Runaev T.A. “Crimean issue” in Russian and Ukrainian history school-books // Society: Sociology, Psychology, Pedagogics. 2021. No. 9. P. 77–80. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/spp.2021.9.11>.

Funding: the study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the Expert Institute for Social Research within the framework of the scientific project No. 21-011-31514-opn “The policy of memory as a resource for the formation of civic identity and a positive image of the country’s future in the minds of young people in the South of Russia”.

На фоне политических событий 2014 г. тема территориально-административной принадлежности Крыма (и вытекающих из нее исследовательских проблем) получила новый импульс развития в российском социально-политическом научном дискурсе. Несмотря на всестороннюю разработанность темы, исследовательский фокус практически оставляет вне поля зрения роль школьного исторического образования в конструировании идентичности крымской молодежи. Поэтому цель настоящей работы – выявить потенциальное влияние нарративов российских и украинских школьных учебников по истории на складывание социальной идентичности учащейся молодежи республики Крым.

Социальные идентичности способны конструироваться на основе противоположных принципов: *позитивизации* или *виктимизации*. Первый принцип предполагает, что люди осознают свое отличие через высокую самооценку в сравнении с другими группами [1, с. 16], второй фокусируется на признании себя через страдание и утрату [2, с. 17–18], в результате чего формируются позитивная и негативная идентичности. Вне зависимости от выбранной траектории, ресурсом формирования социальной идентичности является коллективная память, которая концентрируется в виде нарратива – организованного понимания прошлого, оснащенного событиями и «пантеоном “героев” и “злодеев”», связанных между собой сюжетными линиями [3, с. 21]. Задача нарратива – продемонстрировать людям, почему они стали тем, кем они являются сейчас и кем должны быть в будущем [4, с. 140]. Дело в том, что, появляясь в социальном мире, человек находится в состоянии неопределенности, поэтому от того, какой нарратив им будет принят, зависит детерминированность его последующих поступков [5, с. 574]. Следовательно, политические силы, которые навязывают свой нарратив, получают возможность направлять и корректировать действия людей в настоящем и будущем [6, с. 253]. Из-за искомых наград в виде права на конструирование социальной идентичности, возможности осуществления власти, политические силы прибегают к «политике памяти», создавая стратегии по внедрению выгодных для них нарративов прошлого [7, с. 33].

Политика памяти обладает множеством механизмов реализации, но основополагающим инструментом внедрения нарратива и конструирования национальной идентичности является школьное историческое образование [8], состоящее из образовательных стандартов, учебных рабочих программ и учебников. Именно через учебники молодое поколение узнает очерченные границы национальной идентичности, групповые прототипы в виде героев прошлого, на которых следует равняться, а также сложившиеся ценности и идеалы [9, р. 143–144]. Следовательно, анализ нарративов школьных учебников по истории позволяет исследователю выявить:

- 1) траектории политики памяти;
- 2) согласованность уровней политики памяти;
- 3) вид национальной идентичности (позитивный / негативный).

К анализу нарратива учебника можно подойти с точки зрения *структурного, социолингвистического, драматического* методологических подходов. В соответствии с *драматическим подходом* анализ нарратива основывается на поиске в повествовании трех компонентов: *акторов, времени и событий* [10, с. 16–17]. Последние, состоящие из совокупности действий, предстают в виде точки отсчета происходящих изменений [11, р. 80]. Важно, что события не существуют разорванно друг от друга. Наоборот, в нарративе они связываются и образуют последовательность («цепочку событий»), которая оформляется в виде хронологического сюжета, объясняющего читателям или слушателям версию прошлого [12, р. 174]. Поэтому в рамках исследования нами выделяется такой сюжет исторической памяти, как «Крымский вопрос», касающийся территориально-административного состояния Крыма и состоящий из трех ключевых событий: *«Вхождение Крыма в состав Российской империи», «Передача Крыма УССР», «Крымская весна»*. Именно этот сюжет является объектом последующего анализа.

Вхождение Крыма в состав Российской империи. В школьном учебнике по истории России присоединение Крыма к Российской империи в 1783 г. изображается как закономерный процесс защиты последней своих национальных интересов. Ведь, несмотря на то, что Крым выступал местом противоречий России и Турции, первая не настаивала на включении полуострова в свой состав. Поэтому по результатам Кючук-Кайнарджийского договора, завершившего русско-турецкую войну 1768–1774 гг., Крымское ханство объявлялось независимым государственно-политическим образованием. Однако, поскольку в Крыму произошел *«переворот в пользу ставленника Турции»*, поддерживавшего антирусские настроения, Россия была вынуждена пойти на присоединение Крыма. Это позитивно сказалось на судьбе полуострова, так как в регионе начались небывалые социально-экономические изменения: здесь стали селиться *«казенные крестьяне из центральных областей России»*, *«отставные военные»*, *«выходцы из Турции и Речи Посполитой»*, улучшалось *«садоводство, шелководство, лесное хозяйство, виноградарство и виноделие»*, увеличивался *«внутренний торговый оборот»*. Экономическая интеграция региона с другими областями России возымела настолько сильный эффект, что *«такого стремительного развития Крым не знал никогда ранее в своей истории»* [13, с. 41, 53].

В украинском школьном нарративе, наоборот, рисуется мрачная картина вхождения Крыма в состав Российской империи. Отмечается, что присоединение Крыма к России в 1783 г. обусловило ухудшение демографического состояния региона, поскольку *«политика последней привела к массовой миграции населения с полуострова»*. В первую очередь это коснулось крымских татар, которые стали активно переселяться в Турцию. Для того, чтобы восполнить человеческие ресурсы, царским правительством были брошены усилия на колонизацию региона русским и украинским населением [14].

Крымский учебник по региональной истории близок к российскому видению обозначенного события: в планах России было создание независимого государственно-политического образования на месте Крымского ханства, однако провокации Турции среди местного населения *«против российского присутствия на полуострове»* изменили решение России, и Крым стал ее частью. Как и в нарративе по истории России, в крымском учебнике подчеркиваются позитивные последствия факта присоединения: в регионе *«заселялись слабо обжитые территории», «развивались новые города и поселки», «строились верфи и оборонительные укрепления», «обустроивалось Крымское Южнобережье»* [15, с. 46–47].

Передача Крыма УССР. Проблема перехода Крыма в состав УССР в 1954 г. располагается за рамками нарратива учебника по истории России и историко-культурного стандарта, на который опираются авторы учебно-методических комплексов. В то же время в украинских учебниках этому сюжету уделяется значительное внимание. Авторы украинского учебника возлагают ответственность за включение Крымской области в состав Украинской ССР на *«руководителей Кремля»*, решение которых объяснялось экономическими и идеологическими причинами. Первая причина – это хозяйственные трудности региона, обусловленные депортацией крымских татар в 1944 г. и переселением в регион непродуктивных колхозников, неспособных работать в новых условиях. Вторая причина – поддержание идеи о дружбе народов. Согласно историческому нарративу украинского учебника, Украина при принятии Крыма *«ставила на передний план не географические и экономические соображения, а идеологию дружбы народов»* [16, с. 16–18].

Крымский учебник по региональной истории так же, как и украинский, возлагает ответственность за произошедшее событие на узкий круг советского руководства. Однако, в отличие от украинского нарратива, крымский учебник отрицает наличие у региона хозяйственных проблем: отмечается, что к 1952 г. экономика Крыма достигла довоенных показателей, *«продолжали строиться новые промышленные, сельскохозяйственные, научно-исследовательские и культурно-образовательные предприятия и учреждения»*. Поэтому авторы крымского школьного учебника дают негативную оценку факту передачи Крыма Украинской ССР, подчеркивая, что принятие решения по этому вопросу проходило *«с грубейшими нарушениями Конституции ССР, Конституций РСФСР и УССР, а также без проведения соответствующего референдума и учета мнения народа»* [17, с. 71].

«Крымская весна». События 2014 г., связанные с вхождением Крыма в состав РФ, отражены во всех анализируемых нарративах. В учебнике по истории России актором, от которого исходила инициатива воссоединения региона с Россией, выступило крымское русскоязычное население, мнение которого националистическое правительство Украины не учитывало. Поэтому проведенный в Крыму референдум, за которым последовала правовая процедура вхождения региона на правах субъекта РФ, являлся защитой крымчанами своих прав [18].

Украинский нарратив школьного учебника по истории в этом вопросе не лишен противоречий. С одной стороны, он позиционирует Россию как агрессора, который завоевал полуостров (поэтому страницы учебника пестрят негативно нагруженными смысловыми конструкциями, среди которых *«оккупировала полуостров», «план аннексии Крыма», «русская агентура»*). Но, с другой стороны, воля крымчан как коллективного актора описываемых событий редуцируется и практически не учитывается [19, с. 250–251]. Последствия событий «Крымской весны» излагаются исключительно в отрицательных коннотациях: *«Произошло стремительное сворачивание гражданских прав и свобод. Больше всего страдают этнические украинцы и крымские татары», «Мирных активистов сажают в тюрьмы, похищают, убивают»* [20, с. 212].

Особенность объяснения «Крымской весны» в школьном нарративе по истории Крыма заключается в более глубоком погружении в поиски причин произошедшего. Первая причина – экономический кризис региона, начавшийся после распада СССР: *«начался этап разрыва сложившихся на протяжении длительного времени хозяйственных связей с различными регионами и предприятиями бывшего Советского Союза», «развалилась финансовая система, упала производительность труда, резко снизился средний уровень жизни населения», «практически исчезла легкая промышленность Крыма»*. Вторая причина – политический кризис, вызванный государственным переворотом на Украине в 2014 г., поставившим страну *«на порог гражданской войны»*. Это побудило население Крыма выступить на защиту своего региона: *«принято решение о формировании в Крыму народного ополчения», «женщины-крымчанки также приняли инициативу и сформировали 11-ю медицинскую роту», «прокатилась волна многотысячных митингов и шествий, на которых звучали призывы защищать свою республику и воссоединиться с Российской Федерацией»*. Поэтому состоявшийся крымский референдум и последующее вхождение региона в состав России рассматривается как решение экономической и политической проблемы с позитивным настроением на будущее: *«Возращение Крымского полуострова в состав России гарантирует возрождение Крыма, мирную жизнь и счастливое будущее его граждан»* [21, с. 74–78].

Заключение. Российские и украинские школьные учебники по истории на «крымском вопросе» представлены антагонистическими нарративами. Российский национально-государственный нарратив сводится к формуле «Крым + Россия = развитие региона». Он направлен на позитивное восприятие прошлого, где сходятся защита национальных интересов со стороны России и политическая и экономическая активность со стороны жителей Крыма. В то время как украинский национально-государственный нарратив констатирует совершенно обратное: «Крым + Россия = упадок региона». Россия в этой формуле занимает место врага, присутствие которого угрожает хозяйственному и политико-правовому благополучию полуострова. Украинские учебники на первый план выводят крымско-татарскую идентичность, формирующуюся на принципе виктимизации – ущемленности со стороны России. Однако крымский региональный нарратив школьных учебников, перед которым стоит потенциальный вопрос выбора, находится в состоянии согласованности с российским нарративом, что свидетельствует о наличии в образовательном дискурсе региона позитивной гражданской (российской) идентичности. Ее характерными чертами, согласно российским и крымским учебникам, являются: этносоциальная многосоставность, равнодушие к судьбе своей малой родины, предприимчивость, интегрированность в экономическое пространство России.

Список источников:

1. Tajfel H., Turner J. C. The social identity theory of intergroup behavior // *Political psychology: Key readings*. 2004. P. 276–293. <https://doi.org/10.4324/9780203505984-16>.
2. Arnold-de Simone S. Memory boom, memory wars and memory crises // *Mediating memory in the museum trauma, empathy, nostalgia*. London. 2013. P. 14–20. https://doi.org/10.1057/9781137352644_3.
3. Ачкасов В. А. Национальная идентичность как исторический нарратив // *Управленческое консультирование*. 2018. № 10. С. 19–26. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-10-19-26>.
4. Машинова О. В. Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам // *Политические исследования*. 2016. № 6. С. 139–158. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.10>.
5. Hogg M.A., Abrams D., Brewer M.B. Social identity: The role of self in group processes and intergroup relations // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2017. Vol. 20. Iss. 5. P. 570–581. <https://doi.org/10.1177/1368430217690909>.
6. Foucault M. Film in popular memory: An interview with Michel Foucault // *The Collective Memory Reader*. Oxford. 2011. P. 252–253.
7. Машинова О.В. Политика памяти как область символической политики // *Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. М.; СПб., 2017. С. 27–53*.
8. Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальные представления о прошлом, или знают ли американцы историю. М., 2008. 456 с.; Тишков В.А. Историческая культура и идентичность // *Уральский исторический вестник*. 2011. № 2 (31). С. 4–16.
9. Huddy L. From Social to Political Identity: A Critical Examination of Social Identity Theory // *Political Psychology*. 2001. Vol. 22. № 1. P. 127–156. <https://doi.org/10.1111/0162-895X.00230>.
10. Троцук И.В. О метатеоретизировании в области анализа текстовых данных // *Социологические исследования*. 2017. № 9 (400). С. 13–21. <https://doi.org/10.7868/S0132162517090033>.
11. Nühn P. Event and Eventfulness // *Handbook of Narratology*. Berlin; N.Y., 2009. P. 80–97.
12. Wortham S., Rhoedes C. R. Narratives across Speech Events // *The Handbook of Narrative Analysis*. Oxford, 2015. P. 160–177.
13. История России. 8 класс. Учеб. для общеобразоват. организаций. В 2 ч. Ч. 2. / под ред. А.В. Торкунова. М., 2016. 128 с.
14. Власов В.С., Панарин О.Є., Топольницька Ю.А. Історія України: підручник для 8 класу закладів загальної середньої освіти. Київ, 2021. с. 233; Гісем О.В., Гісем О.О., Мартинюк О.О. Історія України: підруч. для 8 кл. з поглибл. вивч. історії закл. загал. серед. освіти. Харків, 2021. с. 219–220.
15. Крымоведение: Историко-культурный обзор Крыма. 6 класс: учебное пособие / А.В. Супрычев, Б.А. Ачкинази, А.А. Шевцов [и др.]. Симферополь, 2018. 160 с.
16. Власов В.С., Кульчицкий С.В. Історія України (рівень стандарту): підручник для 11 класу закладів загальної середньої освіти. Київ, 2019. 256 с.
17. Крымоведение ... С. 71.
18. История России. 10 класс. Учеб. для общеобразоват. организаций. В 3 ч. Ч. 3 / М.М. Горинов, А.А. Данилов, М.Ю. Моисов [и др.]. М., 2016. С. 104–105; Волобуев О.В., Карпачев С.П., Романов П. Н. История России: начало XX – начало XXI в. 10 кл.: учебник. М., 2016. С. 342.
19. Власов В.С., Кульчицкий С.В. Указ. соч. С. 250–251.
20. Струкевич О. Дровозюк С. Історія України (рівень стандарту): підруч. для 11 кл. закл. загальн. середн. освіти. Київ, 2019. 240 с.
21. Крымоведение ... С. 74–78.

Информация об авторе

Т.А. Рунаев – преподаватель кафедры социологии, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=901041.

Information about the author

T.A. Runaev – Lecturer, Sociology Department, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=901041.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 02.09.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 15.09.2021;
Принята к публикации / Accepted for publication 23.09.2021.